

Ли Янь, казалось, хотел еще что-то сказать Линь Кэсун, но Цзян Цяньфань сказал иностранцу:

— Майер, заплати ей за экскурсию гонорар в 1000 долларов.

— Да, сэр, — Майер кивнул, повернулся к Лин Кэсун и сказал: — Мисс, могу я узнать ваше имя?

— Это... меня зовут Лин Кэсун... — Лин Кэсун задумалась: если другая сторона собирается заплатить чеком или переводом, нужно ли ей также написать номер своего счета?

— Кэсун? — у Майера были усы над верхней губой, он носил очки без оправы, был одет в очень строгий западный костюм и выглядел как старый британский джентльмен. По сравнению с Ли Янем, Майер был гораздо более дружелюбен. Более того, его мандаринский язык был действительно хорош, почти не было слышно акцента.

— Фамилия Линь, имя Кэсун.

Майер засмеялся:

— Звучит как круассан.

П/а: сказано по-английски

Линь Кэсун рассмеялась:

— Ах, круассан.

Майер, как и ожидалось, взял чек и очень вежливо вручил его Линь Кэсун:

— Спасибо, что сопровождала сегодня господина Цзяна, милая маленькая булочка.

Линь Кэсун моргнула. Как он её назвал?

Милая маленькая булочка?

Цзян Цянь Фан, поднявшийся по лестнице отеля, остановился и слегка повернулся в сторону Линь Кэсун.

Даже если Линь Кэсун знала, что он не может видеть ее, она не знала почему, но у нее была иллюзия, что другая сторона говорит ей «Прощай».

— До свидания, господин Цзян.

Тихо сказала Линь Кэсун, направляясь к главной дороге, чтобы успеть на поезд домой.

Ли Янь и Майер сопровождали Цзян Цяньфаня в лифт.

Цзян Цяньфань, который все это время молчал, вдруг сказал:

— Где этот велосипед?

— О, я тут подумал... как насчет того, чтобы отдать его служащим отеля? — у Ли Яня было озадаченное выражение лица, он не мог понять, почему Цзян Цяньфань спрашивает о велосипеде.

— Я хочу забрать его в Нью-Йорк.

Ли Янь разинул рот, это всего лишь велосипед, нет никакой необходимости тащить его за тысячи километров в Нью-Йорк, а Цзян Цяньфань слепой, он даже не может ездить на велосипеде, ах!

Но Майер поднял руку, показывая Ли Яню, чтобы тот больше ничего не говорил.

Они добрались до гостиничного номера, после того как Ли Янь дал короткий отчет, Цзян Цяньфань и Майер остались в номере.

Майер медленно заварил чай и сел напротив Цзян Цяньфаня.

— Господин Цзян, Ли Янь сказал, что вы хотите попробовать здешние блюда, почему же вы не позволили ему сопровождать вас, а вместо этого выбрали незнакомую женщину и даже ездили на велосипеде?

— Ресторан Лан Хуа был не настолько выдающимся, как сообщил Ли Янь. Не настолько, чтобы сотрудничать со мной в китайском регионе. Сегодня в ресторане Ланг Хуа Ли Янь тоже нервничал гораздо больше обычного.

— Итак, господин Цзян, вы думаете, что Ли Янь что-то скрывает от вас?

— Мое доверие можно заслужить только один раз. Если бы я сидел в этой машине, я не думаю, что Ли Янь поможет мне найти то, что я действительно хочу.

— Но мисс Лин сделала это, так?

— Да.

Прямо сейчас Лин Кэсун сидела в поезде полностью потрясенная, когда она внезапно проснулась. Похоже, что она проспала два круга по одному и тому же маршруту поезда!

Вытирая слюну, Лин Кэсун поспешила сойти с поезда.

Вернувшись домой, она приняла настоящий душ, легла на кровать и с помощью WeChat отправила Сун Ижаню сообщение:

— Похоже, я тоже еду в Нью-Йорк.

Отправив сообщение, она перевела телефон в беззвучный режим, откинула одеяло и заснула.

На второй день в восемь утра черный Bentley выехал на дорогу в городском округе.

Молодой человек в первом ряду постучал по стеклу машины:

— Сейчас только восемь утра, а движение уже так перегружено!

— Даже если это будет в Нью-Йорке, в восемь утра движение в Китае не лучше, само собой разумеется? Успокойтесь, молодой человек, — утешил Майер.

Машины толпились на перекрестках, было трудно передвигаться даже на несколько сантиметров каждые несколько минут.

Ли Янь, сидевший впереди, осторожно посмотрел в зеркало заднего вида на лицо босса.

Лицо Цзян Цяньфаня по-прежнему ничего не выражало. Чувствовал ли он радость или гнев, он оставался ледяной статуей, без каких-либо колебаний в выражении лица.

Но Ли Янь смутно чувствовал, что Цзян Цяньфань уже знает о председателе Чжао из ресторана Ланг Хуа, что просил его помочь в вопросе сотрудничества с Цзян Цяньфанем.

Цзян Цяньфань хотел попробовать местные блюда, первоначально все это можно было оставить в руках Ли Яня, чтобы спланировать дегустацию, не было необходимости специально брать велосипед и заставлять девушку возить его. Теперь они собирались опоздать, хотя движение не было под контролем Ли Яня, но он все равно не мог не волноваться, если они не сядут в самолет вовремя, будет ли Цзян Цяньфань винить его в этом?

Утренний воздух был довольно свежим, Цзян Цяньфань наполовину открыл окно, солнечный

свет тепло падал на половину его лица.

Внезапно он заговорил:

— Кто-нибудь продает засахаренный боярышник на дороге?

Ли Янь остановился и посмотрел в окно, видя только пожилого человека, медленно идущего по тротуару с подставкой, которая была полна лакомства. Если бы это был кто-то другой, они были бы шокированы тем, как Цзян Цяньфань мог знать, даже когда он не мог видеть. Но Ли Янь был рядом с ним почти год, обоняние Цзян Цяньфана было чрезвычайно чувствительным, пока запахи были в пределах пяти метров, он мог различать их.

— Там кто-то продает его.

— Купи одну палочку.

Ли Янь посмотрел на Майера, Майер кивнул.

Когда он вышел из машины, Ли Янь выдохнул. Он действительно больше не понимает Цзян Цяньфана.

Вкусы на языке Цзян Цяньфана будут безгранично увеличены, независимо от того, были ли это восхитительные ароматы или неприятные ароматы. Так что ожидания Цзян Цяньфана от еды настолько высоки, что они превратились в смехотворные стандарты. Пища, которая может быть довольно приятной на вкус для обычного человека, для него может быть отвратительной.

А засахаренный боярышник, такая штука, которая даже не может появиться, независимо от того, как думает Ли Янь, он чувствует, что Цзян Цяньфань не может ее съесть.

Но за последние два дня Ли Янь понял, что ему, как помощнику, нужно не спрашивать почему, а делать все, что Цзян Цяньфань попросит его.

После тщательного выбора боярышника, который был наиболее приятен для глаз, Ли Янь осторожно завернул его в бумажный пакет и отправил в машину.

Ему было очень любопытно, действительно ли Цзян Цяньфань съест это?

Автомобиль, наконец, начал двигаться. Цзян Цяньфань только держал палочку. Естественно, не было похоже, что он собирался съесть его, было не понятно о чем он думал.

Пока они добирались до аэропорта, садились в машину, Ли Янь и водитель переносили багаж,

Цзян Цяньфань передавал засахаренную палочку Майеру.

— Сэр? Не хотите ли и это привезти в Нью-Йорк?

— Это не тот вкус, который мне нужен.

Сказав это, Цзян Цяньфандостал свою трость и пошел вперед.

Ли Янь посмотрел на Майера, и Майер отдал засахаренную палочку ему.

Но он даже не знает, что делать с засахаренным боярышником, а? Цзян Цяньфань вообще этого хочет? Лучше бы это было не так, как с велосипедом, дожждаться, пока они сядут в самолет, а потом спросить, не был ли засахаренный боярышник самолетом доставлен в Нью-Йорк!

Линь Кэсун еще не проснулась, когда её вытащили из постели.

— Почему ты не взяла трубку, когда я тебе звонил? Уже 11, а ты все еще спишь? Разве так должно быть с безработной молодой женщиной?

Дразнящий голос доносился откуда-то сверху вниз. Линь Кэсун открыла глаза, и первое, что она увидела, были узкие персиковые глаза.

А родинка на носу означала, что этот человек был кокеткой.

Линь Кэсун резко проснулась.

— Хэй, Сун Ижань! Что ты делаешь?! Ты... Как ты попал в мою комнату?!

— Я искал тебя, твоя мама открыла мне дверь, и пошла на репетицию какого-то красного Шелкового танца с другими тетушками. С девяти утра я сижу на твоём диване и жду тебя до одиннадцати, прежде чем разбудить, разве ты не думаешь, что я был действительно предан тебе? — У Сун Ижана было выражение естественности.

— Надо было постучать, подождать, пока я оденусь, а потом войти!

Ли Кэсун посмотрела на себя сверху вниз и чуть не сошла с ума. На ней была отцовская клетчатая пижама, а голова, вероятно, напоминала птичье гнездо. Ее образ, ах! Несмотря на то, что она считает, что перед Сун Ижанем у нее нет образа, о котором можно было бы

говорить.

Сун Ижань вышел из комнаты, затем встал у двери и постучал:

— Линь Кэсун, я захожу!

Линь Кэсун закатила глаза, есть ли какой-то смысл, когда это делается вот так?

Не дожидаясь ее ответа, Сун Ижань нагло вошел:

— Во всяком случае, то, что вы носите, довольно опрятно. Во-первых, проясните, что вы подразумеваете под этим сообщением?

— Все точно так, как написано, а? Ты не понимаешь по-китайски?

Честно говоря, Линь Кэсун жалела, что он приехал сюда, чтобы спросить ее об этом.

Сун Ижань пристально посмотрел на Линь Кэсун, заметил, что она сердится, а потом искренне спросил:

— Кэсун, ты же не могла поехать в Нью-Йорк, потому что я тебе нравлюсь и ты хочешь быть со мной, верно?

В долю секунды Линь Кэсун почувствовала, как что-то сильно сжало ее сердце, не давая ей перевести дыхание.

В этот момент она вдруг поняла, что есть некоторые личные чувства, которые лучше всего хранить от Сун Ижана навсегда.

Она ухмыльнулась, сделала выражение лица, как хулиганящий бандит, и подцепила пальцем подбородок Сун Ижана:

— Милая леди, этот господин просто особенно любит вас. Не уклоняйся от меня, ах! Даже если это Нью-Йорк, этот сэр последует за вами!

Сун Ижань тут же разыграл роль маленькой жены, изобразил застенчивость и лег на кровать:

— Ай-яй... не хочу!

Линь Кэсун захохотала, атаковала снизу вверх и намеренно сделала волосы парня такими же

грязными, как и у нее.

Даже грязный Сун Ижань, у него была очаровательная улыбка. В этот момент Линь Кэсун действительно хотела страстно поцеловать его.

Но она сдержалась.

— Иди и найди свою подружку, ба!

Линь Кэсун быстро перевернулась и пошла в ванную, чтобы умыться.

У нее слегка защипало глаза. Но она сдержалась.

Она выдавила зубную пасту и начала чистить зубы.

Сун Ижань обнял свою руку и прислонился к двери ванной, это изображение было полностью похоже на постер фильма, Линь Кэсун действительно не хотела смотреть прямо перед собой.

— Чу Тин и я расстались.

— Опять расстались? — Линь Кэсун непонимающе посмотрела на него. — Что на этот раз?

— У меня, Сун Ижана, не было друзей. Ты была моим другом в течение десяти лет. Моя девушка продолжала издеваться над тобой, разве это не тяжело для меня? — Сун Ижань вежливо улыбнулся.

— Перестань использовать меня в качестве щита. Скорее всего, потому, что тебе не нравятся ее мелкие истерики.

Линь Кэсун намочила гребень и приручила свое птичье гнездо.

Сун Ижань улыбнулся, не отвечая.

— Хей, хочешь пойти напротив и съесть острый суп? — Линь Кэсун тыльной стороной ладони похлопала Сун Ижана по груди.

— Ты платишь?

— Я угощаю! — Линь Кэсун достала чек на 1000 долларов и потрясла им перед Сун Ижанем.

<http://tl.rulate.ru/book/12730/2109212>